

Научная статья
УДК: 94(470.621)''1920/1930''
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-155-164
EDN: GEKXKY

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ «КОРЕНИЗАЦИИ» В АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ В 1920-Х – 1930-Х ГОДАХ: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, a075ca@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. После образования союзного государства в 1922 г. большевики развернули активную работу по реализации политики «коренизации». Она была одной из составляющих национальной политики РКП(б), обеспечивавшая ей поддержку нацменьшинств бывшей Российской империи. На начальном этапе это вылилось в практическую реализацию лозунга «право нации на самоопределение», а в последующем развитию национальных культур, подготовке национальных кадров и др. Тем самым партия большевиков не только демонстрировала уважение к традициям народов, но и стремилась утвердить свои властные полномочия в национальных республиках и областях. Для каждой национальной республики, автономии или округа она приобретала свои характерные черты. Первые шаги были сделаны на XII съезде РКП(б) в 1923 г., когда приняли решение о целенаправленной подготовке национальных кадров. Съезд предложил активизировать работу по привлечению в административные, партийные органы и учреждения национальных республик и областей кадры, знающие язык, быт и культуру соответствующих народов. Это означало, что приоритет при подготовке и расстановке кадров будет отдаваться представителям национальных меньшинств. Статья посвящена подготовке национальных кадров сферы образования и здравоохранения Адыгейской автономной области в годы первой пятилетки. На основании архивных материалов изучено содержание политики «коренизации», дана оценка эффективности реализуемых планов по подготовке национальных кадров для образовательных учреждений и здравоохранения Адыгеи.

Ключевые слова: Адыгейская автономная область; коренизация; национальные кадры; национальная политика; здравоохранение; образование

Для цитирования: Яхутль Ю.А. Реализация политики «коренизации» в Адыгейской автономной в 1920-х – 1930-х годах: проблемы и достижения // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 155-164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-155-164. EDN: GEKXKY.

© Яхутль Ю.А., 2025

Original article

IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF "KORENIZATION" IN THE ADYGHE AUTONOMOUS REPUBLIC IN THE 1920 S – 1930 S: PROBLEMS AND ACHIEVEMENTS

Yuri A. Yakhutl

Kuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. After the formation of the Union state in 1922, the Bolsheviks began active work on the implementation of the policy of "korenization". It was one of the components of the national policy of the Russian Communist Party (b), which provided it with the support of national minorities of the former Russian Empire. At the initial stage, this resulted in the practical implementation of the slogan "the nation's right to self-determination", and subsequently the development of national cultures, the training of national personnel, etc. Thus, the Bolshevik Party not only demonstrated respect for the traditions of the peoples, but also sought to assert its authority in the national republics and regions. For each national republic, autonomy, or district, it acquired its own characteristic features. The first steps were taken at the XII Congress of the Russian Communist Party (b) in 1923, when it was decided to purposefully train national personnel. The Congress proposed to intensify efforts to attract personnel who know the language, way of life and culture of the respective peoples to the administrative, party bodies and institutions of the national republics and regions. This meant that priority in the training and placement of personnel would be given to representatives of national minorities. The article is devoted to the training of national personnel in the field of education and healthcare of the Adyghe Autonomous Region during the first five-year plan. Based on archival materials, the content of the "korenization" policy has been studied, and the effectiveness of the implemented plans for training national personnel for educational institutions and healthcare in Adyghe has been assessed.

Keywords: Adyghe Autonomous Region; korenization; national personnel; national policy; healthcare; education

For citation: Yakhutl Yu.A. Implementation of the policy of "korenization" in the Adyghe Autonomous Republic in the 1920s – 1930s: problems and achievements. In: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 155-164. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-155-164. EDN: GEKXKY.

© Yakhutl Yu.A., 2025

Введение

Опыт формирования и реализации национальной политики в Советском Союзе в современной России вызывает не только научный, но и практический интерес. Обращение к политике «коренизации» как составной части национальной политики большевиков даёт возможность понять и оценить её результаты для большинства малочисленных народов входивших в состав СССР. Наиболее ярко и эффективно она проявилась в процессе формирования национальных кадров для партийных и советских структур, как приоритетного направления в национально-кадровой политики РКП(б)–ВКП(б). Но не менее существенными были изменения в подготовке национальных кадров для экономики и социальной сферы. В данной статье затронут один из аспектов этой модели – коренизация учреждений социальной сферы Адыгейской автономной области. Политика «коренизации» имела свои особенности на Северном Кавказе, обусловленные историческим прошлым и сложными процессом интеграции в единое российское политическое пространство. Массовая коренизация на Северном Кавказе началась позже остальных регионов страны, и официально была объявлена Северо-Кавказским крайисполкомом весной 1929 г. Как отмечают исследователи, она

сопровождалась «перегибами и издержками», но она выполнила своё главное предназначение [Хлынина 2014: 110].

Ещё на X съезде РКП(б) в 1921 г. в сфере национальных отношений предлагалось считать приоритетной задачей помощь национальным меньшинствам в подготовке кадров, развитии делопроизводства на родном языке в органах государственной власти, народного хозяйства, прессе, школьном образовании и театре [Коммунистическая партия Советского Союза Т. 2... 1984: 360–370]. Впервые термин «коренизация» как комплекс практических мероприятий прозвучал на III Всесоюзном съезде Советов в 1925 г.

Индустриализация в Советском Союзе способствовала коренным изменениям в обществе и экономике. Необходимым условием выполнения первых пятилетних планов было решение проблемы подготовки и обучения кадров для народного хозяйства страны. Ситуация актуализировалась в период первой пятилетки, когда кадровые проблемы стали одной из причин неудач. В ходе решения вопросов по подготовке управленческих кадров, специалистов для экономики, сферы образования и здравоохранения ВКП(б) стала вносить существенные изменения в национально-кадровую политику. Политика «коренизации» требовала создания льготных условий для выдвижения представителей коренных наций [Туфанов 2017: 86]. Большинство современных российских исследователей воспринимают её как возможность подготовки национальных кадров для местной экономики и структур государственного управления [Туфанов, Кравченко 2021; Маркелова 2017].

О существенных изменениях в национальной политике было заявлено ещё на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. И.В. Сталин в своём выступлении на партийном форуме заявил: «Для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку Советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и межнациональной, родной для крестьян ранее угнетённых национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке. В этом одна из основ национального вопроса вообще, в обстановке советской в особенности» [Двенадцатый съезд РКП(б) 1923: 482]. По итогам работы съезд партии рекомендовал национальным республикам и областям активно привлекать для работы в различные структуры местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов. А также требовалось создать правовую базу, обеспечивающую использование родного языка во всех государственных органах и учреждениях [Коммунистическая партия Советского Союза Т. 3... 1984: 86].

Обращаясь к опыту Российской империи, следует отметить, что документов, содержащих основные принципы национальной политики царизма, не существовало, а национальная политика получила своё фрагментарное развитие, в котором присутствовали в большей мере ограничительные функции. По мнению некоторых российских исследователей, формально законодательство империи «почти не знало правовых ограничений по национальному признаку».

Законом были ущемлены в правах евреи, а с 1864 г. поляки-католики. На уровне подзаконных актов существовали ограничения татар-мусульман» [Дякин 1998: 15, 16]. Вместе с тем, в отношении этнических меньшинств в области образования накладывались определённые запреты. Поэтому большевикам приходилось исходить из собственного опыта, основанного на классовых принципах. В этой связи один из аспектов модели национальной политики, а именно «коренизация» сферы образования и здравоохранения Адыгейской автономной области представляет наибольший научный интерес, в которой была в полной мере реализована национальная политика большевиков. Методы реализации и оценка её последствий могут быть использованы в ходе формирования концепции национальной политики современной России.

Теоретико-методологической основой исследования являются базовые принципы объективности и историзма. Используются положения «новой локальной истории», что даёт возможность гармонично рассматривать региональную историю в контексте развития общероссийского исторического процесса.

Реализация политики «коренизации» в образовании и здравоохранении Адыгейской автономной области

На начальном этапе советская власть отменила все ограничения предшествующего периода в области использования национальными меньшинствами родного языка. Большевики активно поддерживали развитие национальной культуры. Таким образом они способствовали развитию национальной школы, где обучение велось на родном языке, это было одним из требований многих народов, которое игнорировалось правительством империи. В последующем именно новая советская школа станет основой для формирования национальных кадров. Немаловажным фактором было то, что именно в этот период около 46 этносов Кавказа, не имевших до этого письменности, получили свой алфавит. Кроме того, Советское правительство требовало вести официальный документооборот и издавать учебную литературу на национальных языках. Но в 1920-х гг. мероприятия не получали широкой поддержки из-за отсутствия подготовленных национальных кадров и высокого уровня безграмотности среди детей школьного возраста и взрослого населения большинства национальных образований. Это явление было характерным для Адыгейской автономной области в 1920-х гг. на начальном этапе национально-государственного строительства. Насколько значимыми были преобразования для Адыгеи можно судить по её результатам. Период 1920-х – 1930-х гг. стал отправной точкой по формированию управленческих кадров и национальной интеллигенции автономии. В тексте статьи этнонимы «адыги» и «черкесы» используются как взаимозаменяемые: «адыги» – внутренний этноним, «черкесы» – традиционный внешний, присвоенный в годы советской власти. На Кубани использовали ещё термин «горцы», что равнозначно адыгам или черкесам. Начало коренных изменений в черкесском обществе было положено с окончательным установлением советской власти на Кубани и созданием в 1920 г. Горской секции в составе Кубано-Черноморского ревкома. Утверждение Черкесской (Адыгейской) автономной области как самостоятельного субъекта РСФСР ознаменовало качественно новый этап в развитии

малочисленного народа Северо-Западного Кавказа [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 39. Д. 49. Л. 369]. Менее чем через два месяца, 24 августа 1922 г. Президиум ВЦИК переименовал область в Адыгейскую (Черкесскую) [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 39. Д. 56. Л. 90]. Очередное организационное решение Президиум ВЦИК в отношении области принял 13 августа 1928 г., когда утвердил окончательное название – Адыгейская автономная область [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 43. Д. 63. Л. 107]. Заседание Президиума вёл Я.В. Полуян, который в 1920 г. возглавлял Кубано-Черноморский областной ревком и считал нецелесообразным выделение черкесов из состава области как самостоятельное государственное образование.

Одной из приоритетных задач политики «коренизации», получившей своё развитие после решений XII съезда РКП(б), была подготовка национальных кадров для проведения социалистической реконструкции экономики страны. Но эта проблема была характерна не только для национальных образований СССР, но в целом для страны. Недостаток различных специалистов, особенно в образовании и здравоохранении ощущался повсеместно, однако среди нацменьшинств он более заметен. Этот показатель во многом зависел от доли представителей нацменьшинств в образовательных учреждениях, поэтому до середины 1930-х гг. административный нажим в этой сфере не ослабевал. В Адыгейской автономной области, которая переживала коренные изменения в экономике и социальной сфере, этот процесс проходил в годы первой пятилетки (1928–1933 гг.). Одной из особенностей населения Адыгеи была её национальная неоднородность, оказывавшая влияние на политику «коренизации» в сфере образования и здравоохранения. На территории ААО проживали представители 30 национальностей, в том числе черкесов – 44,5 %, русских – 26 %, украинцев – 22,2 % и 6,3 % прочих народностей [Яхутль, Касьянов, Брантов 2022а: 248]. Уровень грамотности среди коренного населения региона при численности 65 583 чел. составлял лишь 4 % [НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 40. Л б/н]. В национальных областях Северо-Кавказского края по итогам переписи 1926 г. такой уровень грамотности населения был характерным явлением [НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 209. Л. 1]. Следовательно, отсутствие грамотных национальных кадров мешало реализации намеченных планов РКП(б) по «коренизации» в национальных областях и республиках, сохраняя свою актуальность последующее десятилетие.

На момент национально-государственного самоопределения черкесов в 1922 г. в г. Краснодаре (временная столица Адыгеи) функционировала одна областная больница, а в трёх сельских округах вели приём 6 врачебных участков. Но среди медицинского персонала не было адыгов, имевших специальное образование, что во многом препятствовало комплексному обслуживанию населения. С учётом особенностей обычаев и положения черкешенок в адыгском обществе оказание им акушерской помощи было не только затруднено, а практически невозможно. В 1925 г. на основании решения областного комитета ВКП(б) первая группа адыгов была направлена на учёбу в ветеринарно-фельдшерские школы и зоотехнические курсы за пределы области.

В дореволюционное время на территории с компактным проживанием горцев работали лишь 12 школ, содержавшихся за счёт государственного финансирования. С момента окончательного установления советской власти на Кубани и

учреждения Горской секции в составе Кубано-Черноморского областного ревкома число черкесских школ достигло 40 [НАРА. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 20. Л. 12, 20]. Существенных изменений, которые могли бы свидетельствовать о коренных преобразованиях, в последующие семь лет в сфере образования и здравоохранения Адыгеи не произошло. В 1926–1927 гг. в 118 школах I ступени, в том числе 55 расположенных в аулах, работали 238 педагогов, из которых только 66 учителей черкесов.

Во второй половине 1920-х гг. на территории автономной области функционировали 5 больниц на 250 койко-мест, 14 врачебно-участковых амбулаторий, 9 фельдшерских пунктов, малярийная станция и туберкулёзный диспансер, детская консультация, в которых было занято 343 медицинских работника [НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 48. Л. 11, 16]. Поэтому с началом социалистической реконструкции экономики страны Адыгея, как аграрный регион с низким уровнем товарности горных хозяйств, столкнулась с кадровыми проблемами для местной экономики и социальной сферы. В первой половине 1920-х гг. рост представителей коренной национальности в учреждениях здравоохранения был только по техническим должностям: 1926 г. – 26 чел., т. е. 11,3 %; 1927 г. – 39 чел., т. е. 13,3 %; 1928 г. – 50 чел., т. е. 18,9 % [НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 296. Л. 38]. С целью решения кадрового вопроса в 1928 г. группа черкесов в количестве 101 чел. были направлены на учёбу в Москву, Ростов-на-Дону, Ленинград, Новочеркасск, Владикавказ и Краснодар.

На уровне Северо-Кавказского края для эффективного руководства партийными организациями автономий крайком РКП(б) 31 июля 1924 г. учредил комиссию по национальной политике партии на Северном Кавказе во главе с секретарём крайкома РКП(б) А.И. Микояном. Комиссия осуществляла контроль и координацию по реализации национальной политики, развитию экономики, подбору и расстановке кадров в автономных областях. Одним из значимых событий стал пленум Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б), состоявшийся в декабре 1929 г., на котором рассмотрели основные направления подготовки специалистов высшей и средней квалификации [НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 1]. План включал подготовку кадров для промышленности, сельского хозяйства, образования и здравоохранения. Но к этому времени на повестку дня выдвигались задачи социалистической модернизации, прежде всего – выполнение плана хлебозаготовок и колхозного строительства, а вопросы национальной политики отходили на второй план, что оказывало существенное влияние на реализацию плана «коренизации».

Северо-Кавказский краевой комитет партии установил для каждого национального образования региона квоты в вузы и средние специальные учебные заведения. Для Адыгеи выделили 65 мест в высшие учебные заведения и 193 в средние – специальные. Область не смогла обеспечить исполнение квоты по выделенным местам, необходимого количества национальных кадров для поступления в учебные заведения СССР. Решить эту проблему можно было за счёт открытия дополнительных подготовительных курсов и увеличения количества школ – семилеток, которых в Адыгее было незначительное количество. В повышенных школах в 1929/30 учебном году обучалось 444 ученика, а в следующем

учебном году – 1620 чел. Этого было явно недостаточно для конкурентного отбора учеников – адыгов для последующего обучения в высших учебных заведениях страны. К 1930 г. по признанию Северо-Кавказского комитета ВКП(б), 60 % сотрудников начальной школы Адыгейской автономной области были представлены коренными жителями. Всего же в системе школьного образования разных уровней было занято до 2000 учителей, в том числе 326 адыгов-преподавателей [НАРА. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 45. Т. 1. Л. 256, 186].

К концу первой пятилетки процесс «коренизации» в образовательных учреждениях Адыгейской автономной области, или «черкесизации», как его определяла областная партийная организация, значительно ускорился [НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 230. Л. 48]. Во-первых, увеличилось число средних школ с 7 до 26, во – вторых, выросло число адыгов – учеников с 489 до 910, что составляло практически 54 % от общего числа учащихся. Это позволило расширить возможности по отбору талантливой, грамотной адыгской молодёжи для последующего обучения. Произошли изменения в национальном составе учителей: доля черкесов – учителей в начальной школе выросла с 27,2 % (1929 г.) до 53 % (1933 г.). Особенно за этот период увеличилось число учителей-черкешенок с 7,4 % до 23,5 %. Но уровень их профессиональной подготовки оставался невысоким, так как большинство имели начальное образование и необходимо было в последующем проходить обучение на краткосрочных курсах повышения квалификации.

Развитие здравоохранения было определено успехами коллективизации, которые потребовали изменения приоритетов в реализации традиционных форм медицинского обслуживания населения. В этот период получило своё развитие районное звено, которое максимально приблизило медицинские учреждения к населению. При этом дефицит национальных кадров в целом по Северо-Кавказскому краю составлял 365 врачей и медсестёр, что оказывало существенное влияние на качество медицинского обслуживания сельского населения. Это потребовало подготовки дополнительных кадров для больниц и фельдшерских пунктов. В 1932 г. при Краснодарском медицинском техникуме организовали курсы медсестёр исключительно для обслуживания черкешенок. Такое решение, как мы отмечали, было обусловлено своеобразием бытовых условий и традициями коренного населения области [НАРА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 420. Л. 16, 17, 28]. Государственное финансирование позволило увеличить количество лечебных учреждений в Адыгее в 2,5 раза, а общее число больничных коек с 1 310 до 7 950. Сформировался кадровый состав медицинских учреждений: в 1922 г. было 7 врачей всех специальностей, а в 1940 г. – 148 врачей; количество врачей на 10 тыс. чел. в 1922 г. – 0,3, а в 1940 г. – 5 [Яхутль, Касьянов, Брантов 2022b: 29].

Таким образом процесс коренизации в регионе, который отличался наличием религиозного и языкового многообразия, отсутствием развитой экономики и социальной сферы проходил сложно и не был реализован в полной мере. Это было обусловлено не только особенностями самого региона, но изменениями в содержании национальной политики правящей партии в середине 1930-х гг.

Выводы

Советская политика «коренизации», которая включала комплекс мероприятий от перевода делопроизводства на родной язык и подготовки национальных кадров до вовлечения представителей нацменьшинств в органы управления, заслуживает изучения и обобщения. Её цель заключалась в создании национальных кадров в производственной и социальной сферах. Она была одной из составляющих национальной политики РКП(б) по распространению марксистской идеологии и формированию единой социалистической общности. Признавая наличие существенных недостатков и всевозможных «административных перегибов», политика «коренизации» позволила сформировать в Адыгейской автономной области национальную интеллигенцию. Если первые годы её реализации на территории области сопровождались организационными проблемами, то в последующем активная практика исполнения просветительских и образовательных проектов позволила достичь промежуточных положительных результатов. Этот проект большевиков оказался позитивным и способствовал социально-экономическому и культурному развитию адыгов. Но начавшийся в 1935 г. поворот в национальной политике свёл на нет многие достижения предшествующего периода. При этом принцип выдвижения национальных кадров сохранялся весь период существования СССР как один из основополагающих в национальной политике коммунистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Двенадцатый съезд РКП(б) 1923 – Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчёт. – М.: Политиздат, 1968. – 903 с.
- Дякин 1998 – *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XX – начало XX вв.). – СПб.: «ЛИСС», 1998. – 1000 с.
- Коммунистическая партия Советского Союза 1984 – Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в Т. 2. М.: Политическая литература, 1984. – 606 с.
- Коммунистическая партия Советского Союза 1984 – Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М.: Политическая литература, 1984. – 494 с.
- Маркелова 2017 – *Маркелова А.А.* К вопросу о национальной политике СССР // Научный вестник ВФ РАНХиГС. Сер. Политология и социология. – 2017. – № 3. – С. 94–98.
- НАРА – Национальный архив Республики Адыгея.
- Туфанов 2017 – *Туфанов Е.В.* Коренизация как инструмент формирования региональной номенклатуры на материалах Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 3. – С. 84–89.
- Туфанов, Кравченко 2021 – *Туфанов Е.В., Кравченко И.Н.* Партийно-государственная номенклатура и процесс индустриализации в Северокавказском регионе // Вестник Калмыцкого университета. – 2021. – № 49 (1). – С. 31–38.
- Хлынина 2014 – *Хлынина Т.П.* Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник Южного научного центра РАН. – 2014. – Т. 10. – № 3. – С. 106–111.
- Яхутль, Касьянов, Брантов 2022а – *Яхутль Ю.А., Касьянов В.В., Брантов А.И.* Адыгейская автономная область в условиях экономической и социальной модернизации. 1933–1941 гг.: документы и материалы (к столетию образования Адыгейской (Черкесской) автономной области). – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – 237 с.

Яхутль, Касьянов, Брантов 2022b – Яхутль Ю.А., Касьянов В.В., Брантов А.И. Национально-государственное строительство Адыгеи. 1920–1930-е гг.: документы и материалы (к столетию образования Адыгейской (Черкесской) автономной области). – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – 267 с.

REFERENCES

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.).

Dvenadtsati s'ezd RKP(b) 17–25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskii otchet. [The Twelfth Congress of the Russian Communist Party (b) on April 17–25, 1923. Verbatim report] – М.: Politizdat, 1968. – 903 p. (In Russ.).

DYAKIN V.S. *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XX – nachalo XX vv.)* [The national question in the internal policy of Tsarism (XX – early XX centuries)]. – SPb.: «LISS», 1998. – 1000 p. (In Russ.).

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza 1984 – Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TSK: T. 2. [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee: vol. 2.] – М.: Politicheskaya literatura, 1984. – 606 p. (In Russ.).

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza 1984 – Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TSK. T. 3. [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee: vol. 3.] – М.: Politicheskaya literatura, 1984. – 494 p. (In Russ.).

MARKELOVA A.A. *K voprosu o natsional'noi politike SSSR* [To the question of the USSR national policy]. IN: *Nauchnyi vestnik VF RANKhiGS. Ser. Politologiya i sotsiologiya*. – 2017. – No. 3. – P. 94–98. (In Russian)

Natsional'nyj arhiv Respubliki Adygeya. [The National Archive of the Republic of Adygea]. (In Russ.).

TUFANOV E.V. *Korenizatsiya kak instrument formirovaniya regional'noi nomenklatury na materialakh Severnogo Kavkaza v 1920–1930-e gg.* [Korenization as a tool for the formation of regional nomenclature based on the materials of the North Caucasus in the 1920s and 1930s.]. IN: *Nauchnaya mys' Kavkaza*. – 2017. – No. 3. – P. 84–89. (In Russ.).

TUFANOV E.V., KRAVCHENKO I.N. *Partiino-gosudarstvennaya nomenklatura i protsess industrializatsii v Severokavkazskom regione* [Party-state nomenclature and the process of industrialization in the North Caucasus region]. IN: *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. – 2021. – No. 49 (1). – P. 31–38. (In Russian)

KHLYNINA T.P. *Korenizatsiya i reshenie natsional'nogo voprosa na Severnom Kavkaze v 1920-e – 1930-e gg.* [The Korenization and resolution of the national question in the North Caucasus in the 1920 s – 1930 s.]. IN: *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2014. – T. 10. – № 3. – P. 106–111. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A., KAS'YANOV V.V., BRANTOV A.I. *Adygeiskaya avtonomnaya oblast' v usloviyakh ekonomicheskoi i sotsial'noi modernizatsii. 1933–1941 gg.: dokumenty i materialy (k stoletiyu obrazovaniya Adygeiskoi (Cherkesskoi) avtonomnoi oblasti)* [The Adygea Autonomous Region in the context of economic and social modernization. 1933–1941: documents and materials (on the centenary of the formation of the Adyghe (Circassian) Autonomous Region)]. – Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2022. – 237 p. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A., KAS'YANOV V.V., BRANTOV A.I. *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo Adygei. 1920–1930-e gg.: dokumenty i materialy (k stoletiyu obrazovaniya Adygeiskoi (Cherkesskoi) avtonomnoi oblasti)* [National-state building of Adygea. 1920s–1930s: documents and materials (on the centenary of the formation of the Adyghe (Circassian) Autonomous Region)]. – Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2022. – 267 p. (In Russ.).

Ю.А. Яхутль – доктор исторических наук, доцент

Information about the author

Y.A. Yakhutl – doctor of historical sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 03.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 03.09.2025 г.; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.